



«Восстанавливайте все, как было, делайте прочно и хорошо»

(Из разговора В. И. Ленина с реставраторами)

Московский Кремль после последней реставрации 1970—1980-х годов.

Вопрос о восстановлении пострадавших в ходе октябрьских боев в Москве архитектурных достопримечательностей со всей остротой встал, как только Кремль был очищен от юнкеров и белогвардейцев. Советская власть не скрывала потерь и повреждений, причиненных артиллерийским огнем во время боев с контрреволюционерами. Иллюстрированный журнал Российского Телеграфного Агентства «Красная звезда» в ноябре 1918 года опубликовал фотографии поврежденных памятников.

Их было всего двенадцать. Но не меньший ущерб наносила неумелая реставрация предшествующего времени. Комиссия по охране памятников искусства и старины провела осмотр Кремля и «единогласно постановила, что все снаряды, попавшие в Кремль, меньше нанесли вреда художественно-историческим памятникам, чем невежественная малярная реставрация дивных фресок Успенского собора». Проводившееся летом 1917 года подновление фресок XVII столетия действительно было малярной реставрацией. Древние фрески

сначала отмыли от вековых наслоений, а затем грубо, аляповато переписали.

Еще бесцеремоннее незадолго до этого были переписаны заново фрески Успенского храма в свяжемском Богородском монастыре (XVI в.). Проблема научной реставрации была поставлена в самые первые дни существования новой власти. Академик И. Э. Грабарь, с именем которого связано становление советской реставрационной науки, считал, что в понятии «реставрация» необходимо различать два момента — момент ремонта и момент восстановления.

Ремонт — это лечение памятника от той или иной болезни, поскольку памятники материальной культуры, подобно организму человека, подвержены заболеваниям. Выветривание стен, ветхость кровли, отслоение или потрескивание красочного слоя требуют мер по прекращению процесса разрушения. Иное дело — восстановление утраченных частей или собственно реставрация. Как восстанавливать разрушенные части памятника, особенно в тех случаях, когда несуществующие более детали

являлись не ритмическим повторением других, сохранившихся полностью, а индивидуальным решением? И надо ли в таких случаях восстанавливать утраченное? Может быть, достаточно ограничиться укреплением разрушающегося? Под восстановлением, утверждал Грабарь, следует понимать и удаление позднейших наслоений, накопившихся на памятнике в течение столетий, иначе говоря, его раскрытие и восстановление недостающих частей.

Раскрытие памятника — наилучший способ его изучения. Ни при каких других условиях памятник не может быть обследован столь глубоко и исчерпывающе, как в процессе раскрытия. Возьмем, к примеру, раскрытие древней иконы. Оно похоже по приемам на археологические раскопки, ведущиеся в земле: углубляясь внутрь, проникая от слоя к слою в нижние пласты красок, исследователь не только изучает всю историю изменений, совершающихся на поверхности живописи, но заглядывает в святая святых творческого процесса художника, разгадывает тайну мастерства, постигает сокровенный смысл его искусства. Путь от поверхности сквозь толщу слоя до первоначальной живописи дает такие возможности датировки, каких не получить никаким иным способом.

Раскрытие, как правило, не вызывает особых сомнений. А вот на пути восстановления нередки непоправимые ошибки. Случалось, во всеоружии «науки» и с самыми благими намерениями на фундаментах средневековых замков возводились псевдодревние здания, на картинах дописывались целые фигуры, на иконах с сохранившимися фрагментами живописи произвольно восстанавливалась вся композиция. Современная научная реставрация допускает восстановление утраченных частей в архитектуре только в тех случаях, когда имеются неоспоримые доказательства как самого их существования в прошлом, так и формы их. Безусловно допустимо восстановление повторяющихся орнаментов, а также дверных проемов, размеры и формы которых определяются самой кладкой, сохранившей их старые следы. В живописи возможно погашение белых мест нового грунта, нарушающих общее впечатление, но недопустимо сплошное прописывание.

Советская власть открыла возможности для реализации подлинно научных взглядов на реставрацию.

Еще в январе 1918 года по ходатайству Комиссии по охране памятников искусства и старины при Моссовете Совнарком рассматривал вопрос о ремонте Кремля. Было поставлено ассигновать на ремонт и реставрацию кремлевских зданий 450 тыс. рублей. В правительственном решении проявилось уважительное отношение В. И. Ленина к кремлевским святыням. Ленин любил Москву, и Кремль в особенности. Наутро после переезда правительства Владимиру Ильичу захотелось посмотреть Москву. Солнечный мартовский день рождал праздничное настроение. В автомобиле поехали на Таганку, где в одном из маленьких переулков жила знакомая Марии Ильиничны, которую она хотела навестить. Владимир Ильич внимательно рассматривал город. В тот же день, 12 марта 1918 года, Владимир Ильич решил побывать в Кремле,

чтобы осмотреть помещения, где должен был разместиться Совнарком.

Когда автомобиль въехал в древние Троицкие ворота, Ленин взволнованно произнес вполголоса:

— Вот он, Кремль! Как давно я не видел его!

Как выглядел в те дни Кремль? Неблагоустроенный, с грубой булыжной мостовой. Не все площади замощены. Около Спасских ворот — казенные одноэтажные здания, выкрашенные в желтый цвет, и огороженные забором хозяйственные постройки кремлевских сторожей и служащих. От этого уголка с его захолустными постройками веяло глухой провинцией, резко контрастирующей с дворцами и торжественными храмами. Около Константино-Еленинской башни — разный хлам, кучи мусора. От артиллерийского обстрела с крепостной стены слетела часть зубцов, а с Беклемишевской башни упал граненый шатер.

Ленин тщательно осмотрел здания, дворцы, Грановитую палату, боярские терема и, наконец, дважды прошел по стенам Кремля, подходя к каждой башне и проверяя ее состояние. После детального знакомства с кремлевскими достопримечательностями последовало его широко известное распоряжение: «Товарищу коменданту Кремля.

Предлагаю в срочном порядке произвести реставрацию Владимирских ворот (кремлевская башня, выходящая к Историческому музею), поручив кому-либо из архитекторов по указанию П. П. Малиновского представить смету и наблюдать за исполнением работ».

Документ датирован 17 мая 1918 года. Этот день и следует считать началом осуществления в государственном масштабе научной реставрации историко-архитектурных памятников.

Вскоре комиссар Кремля М. С. Ольминский пригласил к себе группу московских архитекторов. Он поручил им осмотреть постройки Кремля и приступить к реставрации.

Возглавил работы по изысканиям, исследованиям, ремонту, реставрации памятников Кремля архитектор, действительный член Московского археологического общества Иван Васильевич Рылский. Его помощником стал Александр Афанасьевич Латков — епархиальный архитектор, в ведении которого находилась Троице-Сергиева лавра. Работы вели бригады в составе архитектора, помощника архитектора, десятника, каменщиков, плотников. Архитекторы Н. Д. Белов и А. П. Голубев со своими бригадами вели реставрацию Архангельского собора, колокольни Ивана Великого, Патриаршего дворца, собора Двенадцати апостолов и церкви Ризположения. Восстановлением башен Кремля и реставрацией Успенского собора был лично занят И. В. Рылский. Координация усилий архитекторов-реставраторов и заинтересованных государственных учреждений осуществлял Илья Евграфович Бондаренко, работавший в Комиссии по охране памятников искусства и старины (Кремлевской комиссии) заместителем председателя.

В распоряжении архитекторов-реставраторов находились опытные мастера, специалисты всех строительных профессий, были выделены высококачественные материалы и необходимые денежные средства.

Владимир Ильич Ленин считал, что задача

реставраторов Кремля заключается не только в том, чтобы устранить повреждения, вызванные артобстрелом, но главным образом в том, чтобы освободить выдающиеся архитектурные сооружения от позднейших наслоений, всяческих пристроек и перестроек.

При реставрации в соответствии с распоряжением В. И. Ленина Никольской башни (Владимирских ворот) в первую очередь были восстановлены ее дубовые ворота. Разбитые профильные бруски и филенки заменялись новыми. Скрепление брусков и филенок производилось изготовленными по старым образцам железными скрепами со шляпками. По окончании столярных работ полотнища ворот сплошь были пропитаны морилкой, чтобы новые бруски и филенки не отличались по цвету от старых, сильно потемневших от времени. Постепенно исправлялись выбоины стен, тяги, архитектурный декор башни.

От артиллерийского обстрела сильно пострадала Беклемишевская башня. Прямым попаданием у нее был снесен шатровый верх, повреждено ее граненое основание, частично побиты фигурные колонки. Восстановление башни осложнялось тем, что не было точных обмерных чертежей. Пришлось подобрать все упавшие части, пронумеровать их. Затем по

так, чтобы попасть в тон старой, изменившейся от времени свой цвет черепицы. Восстановление башни было завершено весной 1919 года.

К началу реставрационных работ в Кремле в неприглядном виде находилась колокольня Ивана Великого — гордость русского зодчества.

Прежде всего архитекторы решили восстановить древний вход на колокольню Ивана Великого из церкви, а уродующую великолепный каменный столп ржавую лестницу разобрать. Так и сделали. Это придало колокольне тот вид, какой она имеет в настоящее время.

Что бы ни осматривали архитекторы, везде обнаруживали небрежное отношение к древнему русскому искусству. Многие памятники были обезображены пристройками, стенные росписи, иконы замазаны, закрыты новыми красками.

В. И. Ленин требовал восстановить все в полном соответствии с самыми строгими правилами реставрационной науки. И. Э. Грабарь пишет о Ленине: «Он всегда запрашивал, можно ли расширить то или другое окно в старом здании или пробить где-нибудь дверь, не давая никаких распоряжений до положи-



Пушки красногвардейцев на Замоскворецкой (ныне Крымской) набережной. Фото Дорна.

обмеру с натуры были сделаны чертежи. Благодаря металлическим связям и штырям в колоннах и столбах многие поврежденные части башни удержались от падения. С помощью опалубки и инъекции цементного раствора поврежденные, но не упавшие на землю детали укреплялись, фиксировались в первоначальном положении. Работы велись медленно, тщательно, с большой выдержкой на схватывание цементного раствора. Затем опытные каменщики и каменотесы по чертежам восстанавливали упавшие на землю детали. Кровельная черепица изготовлялась по чертежам

тального ответа. Я был в курсе всех этих переговоров».

Владимир Ильич, как только начались в Кремле реставрационные работы, сделал распоряжение о беспрепятственном доступе архитекторов к архивным материалам. Через М. С. Ольминского в конце строительного сезона он поставил перед реставраторами, занятыми восстановлением поврежденных памятников Кремля, три вопроса: по всем ли памятникам произведены исправления повреждений, причиненных обстрелом, и по каким памятникам не сделано исправлений и



Красная
площадь
в октябрьские
дни 1917 года.
Фото Дорна.

почему? По каким памятникам ведутся реставрационные работы и в чем они состоят? Какими методами руководствуются архитекторы при производстве реставрационных, восстановительных и исследовательских работ?

В. И. Ленин рекомендовал архитекторам как можно шире использовать архивные материалы и исторические труды по строительству кремлевских зданий и сооружений, заботился о том, чтобы реставраторы вернули кремлевским памятникам их древний облик.

В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Владимир Ильич прочитал в книге С. П. Бартенева,

что одно крыло собора, находящегося близ Ивана Великого, заложено кирпичом во времена Николая I и превращено в сарай для фуража. Владимир Ильич с негодованием сказал:

— Ведь вот была эпоха — настоящая аракчеевщина... Все обращали в сараи и казармы: им совершенно была безразлична история нашей страны. Надо сейчас же, немедленно это крыло открыть. Смотрите, какое оно интересное, судя по чертежу, который здесь приложен».

«Через несколько дней реставраторы при-

ступили к работам по восстановлению перво-зданного облика собора Двенадцати апостолов. Владимир Ильич, гуляя, не раз останавливался около места работ и смотрел, как постепенно открываются старые очертания древнего собора.

— Совсем иной вид,— говорил Владимир Ильич,— тут не гармонировала эта пристройка со всем собором. Оказывается, тут не в соборе дело и не в архитекторе, а в Николае I, в аракчеевщине!»

Архитектор И. Е. Бондаренко — деятельный работник созданной летом 1918 года Комиссии по реставрации Кремля — рассказывал о врезавшемся ему в память разговоре с В. И. Лениным: «Площадь перед колокольней Ивана Великого была завалена частями переносимых лесов и подмостей. Этот материал перебрасывался от Ризположенской церкви к Беклемишевской башне. Тогда восстанавливалась верхняя часть башни и ремонтировалась ее черепичная кровля.

Я шел с архитекторами И. В. Рыльским и И. И. Дюмуленом, наблюдая за переброской материалов и давая указания десятнику. Показался открытый автомобиль, едущий от Боровицких ворот к зданию Совнаркома. Дорога была завалена лесом. Автомобиль остановился, я подошел и увидел Владимира Ильича.

— Что вы тут делаете? — спросил Ленин. Я объяснил, что мы ведем ремонтные и реставрационные работы, восстанавливаем поврежденные здания.

— В прежнем виде? — спросил Владимир Ильич и добавил (не ручаясь за точность выражений, но смысл был следующий):

— Восстанавливайте все, как было, делайте прочно и хорошо... (В 1973—1980 гг. были проведены грандиозные ремонтно-реставрационные работы по памятникам Кремля. Отреставрировано, обновлено двадцать башен, стены длиной около двух километров и высотой от пяти до двадцати метров. Обновились куранты Спасской башни и рубиновые звезды Кремля. Отреставрированы дворцы и соборы Кремля.— Ю. Б.) Ильич посоветовал нам восстановить первоначальный вид зданий, освободить их от более поздних наслоений, искажающих древнюю архитектуру Кремля.

На этом наш разговор окончился. Леса убрали, и автомобиль проехал. Меня изумил этот разговор, способность Ильича сразу уловить самую сущность дела. Мы с благодарностью воспользовались советом Владимира Ильича в работах по восстановлению, ремонту и реставрации Кремля».

Реставрация собора Двенадцати апостолов велась под руководством в ту пору совсем молодого архитектора А. П. Голубева. «Вспоминая теперь те дни,— говорил архитектор много лет спустя,— каждый из нас, кто жил и трудился тогда, не может не восхищаться гением и великой любовью к своей Родине В. И. Ленина. В тяжелые годы, когда молодая республика, окруженная со всех сторон врагами, истекала кровью, когда страну душили разруха, голод, отсутствие топлива, он думал о будущем, о сохранении для поколений драгоценного наследия народного творчества. Он знал, что кремлевские памятники будут долго еще служить верой и правдой советскому народу, воспитывать в нем высокие патриотические чувства, чувство гордости за свою великую Родину. Заботясь о восстановлении

кремлевских памятников, Владимир Ильич уже тогда показал всему миру, что социалистическая революция — это не революция разрушения, как ее изображали за рубежом, а революция созидания, становления и подъема всех творческих сил».

По прямому указанию Ленина тогда же начались ремонтно-восстановительные работы на соборе Покрова (храм Василия Блаженного).

В соответствии с требованием Председателя Совнаркома восстановить Кремль в первоизданном виде по возможности в один строительный сезон летом 1918 года широко развернулась деятельность реставраторов. Помимо восстановления Никольских ворот, шатра Беклемишевской башни, курантов Спасской башни, были осуществлены и такие трудоемкие работы, как ремонт Малого Николаевского дворца и фасадов Чудова монастыря, пострадавших при штурме Кремля в октябрьские дни 1917 года.

В 1918—1919 годах велись интенсивные работы по фресковой росписи Успенского собора. Ущерб, нанесенный невежественной реставрацией 1917 года, постепенно сводился на нет. Работа продолжалась не один летний сезон, и Владимир Ильич периодически заглядывал в собор, внимательно рассматривая древние фрески, которые обнаружили после промывания мест, окрашенных более поздними богomoазами.

Живая заинтересованность Владимира Ильича в сбережении, сохранении, спасении культурных ценностей России проявлялась и в отношении других памятников.

Большие разрушения вызвал кровавый левозерский мятеж в Ярославле. Ленин, по свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, активно интересовался ходом восстановления ярославских древних церквей. По указанию правительства в распоряжение руководителя реставрационно-восстановительных работ в Ярославле П. Д. Барановского выделены большие брезенты, которыми решено было закрыть зияющие пробоины в кровлях и стенах церквей и соборов.

Вследствие попаданий артиллерийских снарядов в тяжелом положении оказались церковь Богоявления (1684—1693) с изумительными изразцами и росписями прославленных русских художников XVII столетия Дмитрия Плеханова и Федора Игнатьева; церковь Дмитрия Солунского (1671) — знаменитая своей росписью «Страшный суд», где в числе грешников написаны «немцы» в европейских костюмах, широкополых шляпах; церковь Спаса на Городу (1672) — типичная для ярославских храмов постройка с барабанами, увенчанными грузными маковицами, превосходящими по высоте основное здание, с фресками, на которых изображены Иерусалима, Византии, церкви Параскевы Пятницы в Калачном, Петра и Павла на Волге, Ильи Пророка, Власия, Николы Мокрого, Рождества Христова. Стояли выгоревшими, полуразрушенными сводчатые палаты Иванова, дома Дедюлина и Лопатина, построенные на рубеже XVII — XVIII веков, строения Гостиного двора, здание Демидовского лицея. Везде груды битого белого камня и тесаного красного кирпича, осколки керамических изразцов и витражных стекол, искореженные металлические конструкции, выгоревшие каменные ко-

робки зданий, сожженные перекрытия и рамы, изуродованные наверху храмов, зияющие дырами стены и купола.

Уже в августе 1918 года работы по спасению ярославских памятников пошли полным ходом. Раскраиваются привезенный брезент, наводятся временные фанерные крыши, закрепляются подпорки, латаются разбитые барабаны, купола и шатры, закрепляются фрагменты осыпавшихся изразцов. Короче говоря, делается то, что впоследствии стало называться консервацией памятника. Эти меры помогли спасти дивные ярославские фрески. Благодаря усилиям Петра Дмитриевича Барановского ненастной осенью 1918 года ни один из поврежденных памятников не понес дальнейших потерь. Работы по ремонту и реставрации продолжались в общей сложности восемь лет. Немалый этот срок — свидетельство тщательности восстановительных работ. Сначала шло детальное изучение памятников. А затем началась планомерная работа по возвращению им первоначального облика, освобождению их от позднейших наслоений, искажающих, говоря словами Ленина, «подлинно народную архитектуру».

В 1918 году родилась советская реставрационная наука. Своим становлением и бурным развитием она многим обязана исследовательскому таланту, эрудиции, огромным практическим познаниям, незаурядным организаторским способностям Игоря Эммануиловича Грабаря. Директор Третьяковской галереи (в 1913—1917 годах ее попечитель), создатель первой научной «Истории русского искусства», он был привлечен А. В. Луначарским к работе в Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Вскоре коллегия, о чем уже шла речь выше, была преобразована в Музейный отдел Наркомпроса. Поскольку развернувшиеся в Кремле восстановительно-реставрационные работы требовали научно-методического руководства, Грабарь берет на себя инициативу сплочения в дееспособный коллектив специалистов в этой области. «Летом 1918 года, — пишет И. Э. Грабарь в книге «Моя жизнь», — уже действовал реставрационный отдел, в котором работали И. Е. Бондаренко, Д. С. Марков, И. В. Рылский, П. Д. Барановский, Н. Р. Левинсон и другие. В июне 1918 года приступила к работе реставрационная группа, организованная мною из нескольких реставраторов-икононников, во главе с Г. О. Чириковым и историком искусства В. Т. Георгиевским. Мы начали с обследования стен старого собора Спасо-Андроникова монастыря, расписанного некогда фресками Андрея Рублева. Удалось найти лишь бесформенные, но красивые пятна фресок, сплошь иссеченных в XIX веке, перед тем как стены заново перештукатуривали. Из Спасо-Андрония мы переправились в Кремль, где обследовали стены Благовещенского собора».

Чем объяснить такое начало? Почему реставрационная группа Грабаря целые две недели горячего времени уделила поискам навсегда утерянных фресок Спасского собора Андроникова монастыря?

Можно представить десятки, сотни объяснений, но единственно верным следует признать вот это. Грабарь в качестве неотложной исследовательской задачи выбрал вершину из вершин — искусство гения русского средне-

вековья Андрея Рублева. Вокруг имени Рублева было нагромождено великое множество легенд, домыслов. Достоверных же сведений было крайне мало. Легендарный Рублев должен стать реальностью! Научное познание его творчества проливало свет на тающий в себе множество загадок и неясностей период величайшего расцвета древнерусской живописи. И. Э. Грабарь принял за настойчиво, методично искать произведения Андрея Рублева. Как солнце светила ему в этих ответственных изысканиях рублевская «Троица»...

В 1904 году «Троица», икона в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры, издавна приписываемая Рублеву, была подвергнута реставрации... Осуществляли ее мастера А. Е. Израсцов, В. А. Тюлин под ответственным наблюдением реставратора В. П. Гурьянова. Впечатление, которое произвело это первое раскрытие рублевской живописи на тогдашние художественные и исследовательские круги, было поистине потрясающим. Как писал впоследствии И. Э. Грабарь, «стало очевидно, что наше знание Рублева будет углубляться только по мере дальнейшего раскрытия произведений, так или иначе связанных в прошлом с его именем, по мере освобождения их от позднейших наслоений и выявления их изначального вида, причем раскрытию надлежало подвергнуть не только иконы, но и фрески».

Начали с Андроникова монастыря. Выяснили, что стены действительно были некогда покрыты фресками, но в конце XVIII — начале XIX века они были частью сбиты, а частью — там, где обмозка держалась крепко, — мелко иссечены под новую штукатурку.

В конце июня 1918 года экспедиция прибыла во Владимир. В результате исследовательских и реставрационных работ выяснилось, что на стенах древнего Успенского собора сохранились как фрески времен постройки (XII в.), так и росписи Андрея Рублева и Даниила Черного (XV в.).

Методом сопоставления живописно-пластических особенностей «Троицы» и исследуемых фрагментов стенописи начала XV века в Успенском соборе И. Э. Грабарю удалось размежевать фрески, написанные рукой Андрея Рублева, и фрески Даниила Черного. Таким образом, сразу увеличилось число достоверно известных произведений великого художника. Это открыло возможности для новых исследований. Осенью 1918 года в Звенигороде при исследовании собора Успения на Городке, построенного, по летописным свидетельствам, в начале XV века, за новым иконостасом, приставленным к алтарным столбам, были найдены фрески, относящиеся по стилю и приемам к началу XV века. Решено было распиливать не имевший большой художественной ценности иконостас с таким расчетом, чтобы сделать доступной взгляду древнюю стенопись. Краски открывшихся фресок сохранились во всей изначальной свежести и яркости, как, быть может, нигде в другом месте, не исключая и владимирский Успенский собор.

Участники звенигородской экспедиции справедливо полагали, что если найдены фрески, то должны быть и иконы того времени. И вот по давней привычке исследователей древнерусского искусства стали искать на чердаках, в чуланах и сараях. В результате

один из участников экспедиции, Г. О. Чириков, обнаружил три доски с остатками уцелевшей живописи. Им суждено было стать тремя знаменитейшими памятниками, шедеврами Третьяковской галереи. Это поясные иконы — «Спас», «Архангел Михаил», «Апостол Павел». «Их создателем мог быть только Рублев, — уже уверенно писал в 1926 году, после того как иконы были укреплены, отреставрированы и предстали перед посетителями Государственного Исторического музея, И. Э. Грабарь, — только он владел искусством подчинять единой гармонизирующей воле все эти холодные розово-сиреневые-голубые цвета, только он дерзал решать колористические задачи, бывшие под силу лишь венецианцам, да и то сто с лишком лет спустя после его смерти».

В результате кропотливой работы по реставрации иконостасов кремлевского Благовещенского, Троицкого соборов и некоторых монастырей были признаны рублевскими еще несколько произведений. Дошедшие до нашего времени творения великого художника были возвращены из небытия. Это был подвиг во славу мировой культуры. Его совершали первые советские реставраторы. Образ великого живописца, до тех пор как бы «дымом писанный», полудантастический, стал несомненной реальностью.

В июле 1918 года, как раз в то время, когда разворачивается научно-исследовательская и поисковая работа, связанная с творчеством Андрея Рублева, в Москве составляется список лиц, которым предполагается от имени революции поставить памятники. В число «художников и музыкантов, достойных постановления им памятников», вошел и Андрей Рублев. Его имя открывает этот почетный список.

Деятельность Всероссийских реставрационных мастерских, естественно, не ограничивалась решением одной, пусть узловой, пусть наиважнейшей, проблемы. Группу реставраторов направили в Новгород и Псков, где, кроме ценнейших икон, были открыты в новгородской церкви Спаса Преображения фрески Феофана Грека и началась расчистка древних росписей псковского Мирожского монастыря. Состоялись три крупные и десятки мелких экспедиций в области, наиболее насыщенные памятниками древней культуры и искусства. Ученые обследовали сохранность памятников на местах, провели обмеры, составили описание. Произведения живописцев, скульпторов, мастеров декоративного и прикладного искусства, не обеспеченные надежной охраной на местах, привезли в Москву.

В 1919 году состоялись две важные по значению экспедиции: по верхнему и среднему течению Волги, по Москве-реке и Оке. В 1920 году была организована на специально выделенном пароходе экспедиция по Северной Двине и Белому морю. Комплексное изучение обширных районов Центра и Севера России дало огромный историко-художественный и археологический материал, легший в основу дальнейших научно-исследовательских работ, ведущихся по сей день.

Всероссийские реставрационные мастерские не были многолюдным учреждением, а масштабы совершенного их сотрудниками поражают воображение. Каждый работал за десятерых. Вдохновение и увлеченность отли-

чали всех участников экспедиций. Одним из ближайших сподвижников И. Э. Грабаря был П. Д. Барановский. Десять страниц машинописной рукописи занимает перечень научных исследований, экспедиций, археологических раскопок, обмеров, фиксаций, проектов реставрации памятников архитектуры, научных докладов и печатных работ этого неутомимого человека лишь за десятилетие 1918—1928 годов.

Август 1918-го. Работы по спасению ярославских памятников. Причем не только в городе, но и в губернии. 1919—1920 годы. Обмер, обследование шатровых ворот и башни Свиганова монастыря в Угличе, исследование знаменитой трехшатровой Дивной церкви, регистрация всех других памятников города после случившегося там в ту пору пожара. Обследование и составление проектов реставрации церкви Исидора (XVI в.) и собора Борисоглебского монастыря (XVI в.) в Ростове. Обмер и фотофиксация деревянной церкви в городе Мологе. Участие в северодвинской экспедиции по памятникам северного народного зодчества. 1 августа 1920 года Барановский на заседании ученого совета Всероссийского государственного реставрационных мастерских выступил с докладом «О научных задачах организации Музея русского деревянного зодчества на открытом воздухе в Коломенском». Вскоре его назначают директором музея, который предстояло создать.

В Коломенское — историческую судьбу на высоком берегу Москвы-реки — превозятся памятники деревянного зодчества. В течение десяти лет П. Д. Барановский занимается практической реставрацией храма Вознесения (XVI в.) в Коломенском и храма Иоанна Предтечи (XVI в.) в соседнем Дьякове, собирает и систематизирует предметы материальной культуры и фрагменты архитектуры древних веков, превращает в музейные залы дворцовые палаты XVII века.

Обосновался под сенью вековых деревьев Коломенского Музей деревянной русской архитектуры. Идея «сосредоточения под открытым небом подлинных памятников деревянного русского зодчества» получила в наши дни широкое распространение. Такие музеи созданы и создаются в Костроме, Вологде, Суздале и Архангельске, Горьком и Перми, Саранске и Истре, Tallине и Риге, Новгороде и Иркутске, Шуе и Братске, Старочеркасске и Ошвенске, Кяхах и Кириллове.

Коломенское — первый советский музей деревянной архитектуры. Сегодня это комплексный историко-архитектурный музей-заповедник, детище архитектора-реставратора Петра Дмитриевича Барановского. Там одинаково хорошо и в пору июньского травостоя, и в дни осеннего листопада, и когда пуржит снежной алмазной пылью февраль, и когда цепляет апрельскую небесную просинь неуверенно стремящийся ввысь шатер храма Вознесения.

В Коломенском в полной мере воплотилась в реальность мечта Ленина о том, чтобы старина сохранялась не только как памятники искусства, но и как памятники быта и жизни древних времен, чтобы были развернуты музеи, давались подробные исторические объяснения посетителям.

Ю. А. Бычков, журналист